

Jews and Their Social Status in the Society of Siberia in XIX Century

Vladimir N. Shaidurov

National Mineral Resources Mining University “Gornyi”, Russian Federation
PhD, Associate Professor

Abstract. Individual Jewish communities formed due to administrative exile and independent replacement in Siberia in the first quarter of the 19th century. Until 1824, they existed within the general Russian legal framework. However, since December 1824, foundation was laid for “prohibitory” laws concerning Siberian Jews. In Nicholas I’s reign, this practice was continued; the scarce Jewish population, living in Siberian provinces, had access only to specific social classes. The mid-19th century brought about the initiation of the process to emancipate the Jewish, that involved Siberia as well. Bourgeois reforms undertaken by Alexander II contributed to rejecting the segregation policy and legally converging various social groups. Based on legal and record keeping documents, this article will analyse the evolution in the civil status of the Jewish population outside the pale of settlement (as illustrated in the case of Western Siberia).

Keywords: Siberian Jews; Second Siberian Committee; N. N. Muraviev-Amurskiy; social classes (*soslovie*); exiled settlers; state peasants; middle class urbanites (*meshchane*); merchants; honorary freemen; Cossacks.

Введение. До начала XX в. Россия оставалась сословным государством. Принадлежность к сословиям была определена законодательством, которое фиксировало права и обязанности. Сословная политика в отношении евреев на протяжении XIX в. как в общегосударственном, так и региональном измерении эволюционизировала от дискриминационной при Николае I к либеральной при Александре II.

Материалы и методы. Работа основана на совокупности нормативно-правовых актов, опубликованных во втором издании Полного собрания законов Российской империи, Своде законов Российской империи, и делопроизводственных документах из фондов Государственного архива Российской Федерации (фонд Департамента полиции Министерства внутренних дел) и Российского государственного исторического архива (фонд Второго Сибирского комитета).

Использование комплекса источников позволяет проанализировать с позиций регионального и ситуационного подходов эволюцию гражданско-правового статуса еврейского населения Сибири в XIX в. как сквозь призму российского законодательства, но и посредством правоприменения правовых норм в отношении сословного статуса данной группы населения.

Обсуждение. К сожалению, данная проблема не являлась предметом специального исследования специалистов. Ее отдельные аспекты нашли свое отражение в работах общероссийского (Левитатс [1], Клиер [2]) и регионального характера (Кальмина [3], Шайдуров [4], Норкина [5]). Эти исследования позволяют восстановить не только общий ход событий, но и проследить специфику их реализации в различных регионах Российской империи.

Результаты. Хозяйственная деятельность евреев в Империи зависела, в первую очередь, от сословной принадлежности. В Сибири еврейское население формировалось за счет прибывавших ссыльных и немногочисленных самовольных переселенцев. В дальнейшем одним из источников пополнения еврейских общин в регионе стала армия. В результате в сибирских губерниях появились различные группы еврейского населения. Чиновники формально делили его на тех, кто имел право на проживание в Сибири на 1837 г., ссыльных и потомков первых двух категорий. Однако на деле сословная структура выглядела достаточно запутанной.

Несомненно, самой крупной группой были ссыльные. Однако приписка к сословиям ссыльных, поселенцев и их потомков в первой половине XIX в. была достаточно запутанной, что обуславливалось особенностями их положения. Положение ссыльных и их потомков было определено лишь в 1822 г. «Уставом о ссыльных» О евреях упоминается в Уставе в ст. 195, в которой говорится о распределении на разряды «ссыльных, сосланных на поселение». Евреи были отнесены к четвертому разряду и числились наряду с «дворовыми людьми» и «людьми малоспособными к работе». В этом состоянии они должны были, как и другие, «пробыть 8 лет, по истечении коих они могли вступать в мещане и цеховые на общих правилах» (ст. 340); «евреям, выслужившим положенные сроки беспорочно, предоставляется наряду с другими, свобода записываться, где пожелают, по всем Сибирским губерниям и областям, как в городах, так и в селениях с ведения начальства» (ст. 401) [6].

Правда, существовавшая на тот момент практика законоприменения, предусматривала и значительное сокращение сроков пребывания на поселении в разряде цеховых. Это относилось, в первую очередь, к евреям, принявшим христианство. Так, по определению Пятого Департамента Правительствующего Сената, в 1827 г. было предписано отправлять евреев в Сибирь, не разрешая им по пути следования приписываться ни в какое сословие. По прибытии же в Сибирь их по-прежнему

записывали в цеховые, но размещали в качестве послабления условий существования в городах; кроме того, срок пребывания в состоянии цеховых слуг был сокращен для них до четырех лет [7].

Что касается потомства сосланных в Сибирь, то детей ссыльно-поселенцев должны были записывать в ревизию (ст. 404), а детей каторжных – в крестьяне в ближайших от мест каторжных работ волостях (ст. 262) [8].

В 1834 г. за евреями было признано право причисляться в купеческие гильдии. Основанием для рассмотрения этого вопроса стали обращения Берковича и Каминера, переданные в Сибирский Комитет, которым было выработано соответствующее положение. Согласно этому документу, подобное право получили евреи из числа ссыльнопоселенцев по истечению срока ссылки и их дети, добровольно пришедшие в Сибирь за своими родителями. Однако, здесь же была установлена норма, ограничивавшая развитие еврейской торговли в Сибири: окончательное решение о причислении евреев в купеческие гильдии в Сибири оставалось за Министерством финансов [9].

В 1840 г. подобная практика была запрещена. Но к этому времени, по данным Еврейского комитета, на этом основании было причислено к купечеству в Сибирских губерниях 19 евреев [10]. Одновременно с этим был введен запрет на переход ссыльнопоселенцев в городские сословия, в том числе мещанство и цеховые. Таким образом, для подавляющей части еврейского социума Сибири был открыт только разряд государственных крестьян. Подобная запретительная мера была принята в общем духе решения еврейского вопроса в Сибири. Но она не затрагивала тех, кто проживал в регионе до 1837 г., и их потомков.

Во второй половине 1840-х гг. отбывшие срок поселения евреи, а также их дети стремились причислиться к мещанским обществам и получить, таким образом, право проживать в городах и заниматься ремеслом. Право причисления к обществам было возложено на губернские Казенные палаты. Правда, Томская и Тобольская палаты по-разному трактовали некоторые правовые нормы, чем облегчали либо препятствовали переходу евреев из разряда государственных крестьян в городское сословие. Так, например, чиновники Тобольской казенной палаты считали, что «крестьяне из евреев, которым по ст. 1736 т. XIV Устава о ссыльных дозволено остаться в Сибири, не могут быть за силой Высочайше утвержденного 11 ноября 1847 г. [11] Положения Комитета министров перечисляемы в городские сословия» [12]. В то же время служащие Томской казенной палаты полагали, что «упомянутым Положением Комитета министров воспрещается только возводить евреев в купечество, но что перечисление их из одной местности в другую, или из крестьян в мещане, должно быть допустимо на основании общих законоположений» [13].

Столь разное толкование законодательных актов привело к череде обращений евреев в Совет Главного управления Западной Сибири. В своих прошениях они указывали на то, что в городах (Томске, Тюмени и др.) намеревались заниматься не торговлей, а мастерством. Совет предпочитал не брать на себя ответственность в решении этих вопросов и апеллировал к столичным чиновникам. К принятию решений по различным проблемам оказывались привлеченными министерства финансов, государственных имуществ и внутренних дел, которые имели свое видение ситуации. Надо отметить, что первые два министерства продолжали рассматривать евреев в Сибири как хозяйственный субъект, тогда как последнее стояло на уже ставших традиционными запретительных позициях.

Подобная ситуация сохранялась до 1855 г., пока не был опубликован манифест «О Всемилостивейшем даровании народу милостей и облегчений», который предусматривал в п. XV (2) возможность причисления ссыльнопоселенцев в разряд государственных крестьян и высшие городские сословия. Обязательным условием должно было быть согласие на то Экспедиции о ссыльных.

Таким образом, по отношению к правам сосланных в Сибирь евреев первоначально не было никаких правовых ограничений; на них распространялось действие общего для всего ссыльного населения законодательства. На этом основании они могли оказаться в разряде государственных крестьян либо купцов. В дальнейшем ситуация начала развиваться для еврейского населения региона крайне неблагоприятно, что было связано с общей установкой, нацеленной на сокращение его численности.

Во второй половине 1850-х гг. еврейский вопрос в Сибири сохранял свою нерешенность. В столичных учреждениях (департаментах Сената, министерства внутренних дел, министерства финансов и пр.) продолжалась работа по толкованию правоприменения законов относительно еврейского населения региона. Это было связано с необходимостью упорядочить правовую сферу, к чему стремились и губернские чиновники, и сами евреи, направлявшие многочисленные запросы и отношения в Петербург.

Надо сказать, что власти оказались в это время заложниками ситуации: с одной стороны, они выступали за соблюдение буквы и духа законов конца 1830-х гг., нацеленных на искоренение еврейского населения в Сибири; с другой стороны, административная ссылка евреев в этот период сохраняла свое значение и являлась одним из основных источников пополнения общины. Ситуация еще более запутывалась с формальным делением евреев на три категории в регионе: тех, кто проживал в Сибири до 1837 г., и их потомков, ссыльнопоселенцев и их потомков. Это отразилось на

правах различных групп приписываться в разные сословия во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг.

Как уже отмечалось выше, к середине XIX в. сибирские евреи причислялись преимущественно в разряд государственных крестьян. В первые же годы правления Александра II отмечается определенная либерализация сословной политики в отношении данной группы населения.

Так, 23 февраля 1857 г. появился сенатский указ, регламентировавший порядок причисления евреев в состав сибирского купечества [14]. С этого момента только причисленные окладом к сибирским губерниям иудеи имели право на общих основаниях записываться в купеческие гильдии. Купеческое состояние распространялось на всех членов семьи, в том числе на сыновей. При этом была сделана одна существенная оговорка: норма не распространялась на ссыльнопоселенцев. Появление этого документа значительно расширило круг лиц, имевших право на причисление к купечеству. Однако уже в 1858 г. эта норма была пересмотрена в сторону ужесточения.

В 1858 г. Сибирский комитет рассматривал дело евреев Захерова и Зельковича, которые просили разрешения записаться в мещанские общества Томска и Тюмени соответственно [15]. К тому моменту они уже де-факто проживали в указанных городах и занимались ремеслом, но де-юре были причислены к разряду государственных крестьян. С их причислением не могло возникнуть проблем, если бы они не были потомками ссыльнопоселенцев, которым это причисление было запрещено Уставом о ссыльных и прочими нормативными актами. Главное Управление Западной Сибирью, министры внутренних дел и финансов сочли возможным подобное причисление. Таким образом, был создан прецедент, оформленный в виде Высочайше утвержденного Положения [16]. С этого момента потомки ссыльнопоселенцев из числа евреев получили право записываться в мещанское сословие сибирских городов, заниматься ремеслом, вести разрешенную мещанам торговлю. Однако причисление в купеческие гильдии для них по-прежнему было недоступно [17]. Тем не менее, этот документ способствовал узаконению положения тех из сибирских евреев, которые к тому моменту проживали в городах и занимались ремеслом и мелочным торгом.

До конца 1858 г. для евреев была доступна еще одна сословная категория – казачество. Распространение на евреев во второй половине 1820-х гг. рекрутской повинности привело к их появлению среди рядового состава и нижних чинов в армии и на флоте. Часть из них вынужденно приняла крещение, но некоторые продолжали оставаться иудеями.

Нарушение Военного либо Морского устава влекло за собой различные наказания: от телесных до отправки в части Отдельного корпуса внутренней стражи и высылки в Сибирь. Как показывает статистика, ежегодные отправки в Западную и Восточную Сибирь «порочных из нижних чинов» были достаточно многочисленными. Так, только в 1858 г. несколькими партиями было отправлено за Урал около 5 тыс. [18]. По прибытии на новое место службы они зачислялись в сибирское казачество.

Эта мера в полном объеме применялась и к направляемым сюда евреям. В том же 1858 г., по данным военного министра, во всех партиях их насчитывалось до 400 чел. [19]. Таким образом, евреи из числа военных становились казаками, получая все права и обязанности, приписанные Сибирскому казачьему войску. Надо отметить, что последнее в середине XIX в. было чрезвычайно многонациональным. Это было связано с действовавшим на тот момент законодательством, согласно которому в него могли быть приписаны представители различных конфессий, включая язычников [20].

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский в своем отношении на имя Сибирского комитета высказался против сохранения подобной практики, мотивируя это тем, что власти всегда стремились «сократить по возможности еврейское население в тамошнем крае, которое и без того довольно значительно от высылки евреев за преступления» [21].

Изначально военное министерство в лице министра Н.О. Сухозанета выступило против введения подобной меры. Основанием для этого стал именной Высочайший указ от 26 августа 1856 г., согласно которому «в отправлении рекрутской повинности [евреи] сравнены с прочими сословиями» [22]. По Высочайше утвержденному Расписанию, приложенному к приказу по военному ведомству от 22 апреля 1857 г., евреи должны были поступать в строевую службу во все войска, за исключением гвардии, а также учебных и образцовых войск [23]. Кроме того, ведомство указало и на тот факт, что в числе казаков Восточной Сибири, кроме христиан, есть мусульмане и язычники, «по сему нет достаточного повода отменять назначение порочных нижних чинов из евреев в Восточную Сибирь для обращения в казачье сословие» [24]. Таким образом, у военных не было законных оснований для отказа евреям в праве служить в казачьих частях. К тому же часть евреев, отправленных в Сибирь, уже находилась на марше. Некоторые сводные команды, как отмечалось в документах военного министерства, уже прошли не только Пермь, но и Тобольск.

В этой ситуации Муравьев-Амурский продолжал настаивать на введении запретительных мер. Понимая, что возвращение евреев в Европейскую часть будет стоить дорого, он предложил включить их в состав воинских частей Западной Сибири и записать в казачье сословие только тех, «которые примут крещение; что же касается до остающихся в своем законе, то они будут или употреблены на службу или приселены к какой-либо части казачьих войск, где сие окажется наиболее возможным по местным обстоятельствам» [25].

Таким образом, запретительный подход, на котором настаивал представитель сибирской администрации, оказался в противоречии с действовавшими на тот момент правовыми нормами.

Правда, он действовал вполне последовательно относительно собственных взглядов на еврейский вопрос в рамках Сибири: нельзя превращать Восточную Сибирь в регион высокой концентрации евреев-правонарушителей. Это касалось, как мы видели ранее, вопроса о равномерном распределении ссыльных между двумя частями Сибири. Это нашло свое выражение и в сословном аспекте. При этом следует указать, что Муравьев-Амурский, исходя из интересов региона, был сторонником поселения в Сибири и на Дальнем Востоке евреев из числа промышленников и торговцев для активной экономической колонизации данной территории.

Последнее слово оставалось за Сибирским комитетом, который запретил с 1859 г. отправлять нижних чинов еврейского происхождения из частей Отдельного корпуса внутренней стражи в Сибирь с зачислением их в казацье сословие [26].

Запретительные меры не были распространены на тех евреев, которые к тому моменту уже были причислены в сибирское казачество. А потому во второй половине XIX – начале XX вв. в Западной и Восточной Сибири было достаточное количество иудеев и выкрестов, записанных в это сословие. Они, соответственно, имели права и обязанности. Согласно Положению о Сибирском казацком войске (1846 г.), «лица, однажды поступившие в войсковое сословие и их потомство, остаются в войске навсегда» [27]. Отдельно в Положении были прописаны права и преимущества казаков. Так, они имели право «в свободное от службы время производить торговлю и промышленность внутри и вне войсковых пределов» (§ 103). Правда, открытым остается вопрос об использовании евреями этой нормы. В то же время на них, как и прочих казаков, распространялись и обязанности, сводившиеся к содержанию в исправности дорого, мостов, гатей и перевозов на войсковых землях; выполнению местных обязанностей при переходе воинских команд, ремонтов и казенных транспортов через войсковые земли; сопровождение арестантов (§ 321).

Это Положение имело силу закона от Урала до Северо-Западного Китая до начала 1850-х гг. В марте 1851 г. по инициативе Муравьева-Амурского было разработано и принято Положение о Забайкальском казацком войске [28]. В нем также была прописана норма, согласно которой лица, единожды приписанные к войсковому сословию, оставались в нем вместе с потомками навсегда (§ 12). Из этого следует, что те из евреев, которые были высланы до 1859 г. в регион и записаны в казачество, оставались в дальнейшем в этом сословии без изъятия.

В 1863 г. для евреев, в том числе проживавших в Сибири, был облегчен доступ в ряды потомственных почетных граждан. До этого момента, согласно Уставу о состояниях (ред. 1857 г.), они могли быть причислены в это сословие лишь «в особенно важных случаях, когда они принесли особенную пользу государству» [29] либо прослужив не менее 15 лет в должности ученого еврея при генерал-губернаторах [30]. Теперь же, по представлению Еврейского комитета, на получение потомственного почетного гражданства могли рассчитывать те из евреев, которые пробыли в первой купеческой гильдии 10 лет и во второй гильдии 20 лет [31]. Разумеется, этой нормой могли воспользоваться, в первую очередь, те еврейские купцы, которые проживали в Европейской части России, т.к. в сибирских губерниях на середину 1860-х гг. таковых не было. Но введение данной правовой нормы стало для некоторых из торговцев хорошим стимулом для изменения своего статуса посредством ведения экономической деятельности.

По-прежнему одной из многочисленных категорий сибирского еврейства являлись потомки ссыльнопоселенцев. В середине XIX в. это уже были и те, кто пришел со своими ссыльными родителями на поселение, и те, кто родился в Сибири. Как мы уже отмечали выше, они были поражены в отдельных правах в сравнении с детьми свободно проживавших в регионе евреев. Но постепенно шел процесс сглаживания различий между ними, что было, вероятно, вызвано к жизни стремлением чиновников унифицировать правовой статус евреев, чтобы не вносить дополнительную путаницу в процесс правоприменения.

В апреле 1866 г. было опубликовано Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета [32], которым были внесены изменения в права детей ссыльнопоселенцев из евреев и тех евреев, которые были сосланы на поселение без лишения прав состояния, т.е. были оставлены в своих прежних сословиях. Этим документом, принятом на основании мнения министра финансов, было разрешено указанным лицам записываться в податные сословия и купечество. По-прежнему она не была распространена на ссыльнопоселенцев.

Заключение. Таким образом, к середине 1860-х гг. для значительной части еврейского населения Сибири оказались открытыми податные сословия (крестьянство, мещанство), а также купечество. Кроме того, произошло относительное облегчение получения потомственного почетного гражданства. Поражение в правах распространялось лишь на тех, кто был водворен на поселение. Но и они по истечении срока поселения получали равные с остальными права. Расширение сословных прав повлекло за собой активное включение евреев в различные сферы экономической жизни Сибири (золотопромышленность, винокурение, откупа, торговля и т.д.), которые ранее для них были закрыты.

Примечания:

1. Levitats I., 1943. The Jewish Community in Russia, 1772–1844. Columbia University Press, pp: 298.
2. Klier J., 2000. The origins of the «jewish question» in Russia, 1772–1825. Moscow. Gesharim, pp: 352

3. Kalmina L., Kuras L., 2001. A History of exiles: The Jews of Buryatia: East European Jewish Affairs. Volume 31, Issue 1, pp: 49-60.
4. Шайдуров В.Н. Евреи, немцы, поляки Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. – 260 с.
5. Norkina E., 2013. The origins of anti-Jewish policy in the Cossack regions of the Russian Empire, late nineteenth and early 20th century. East European Jewish Affairs. 43 (1), pp: 62–72.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Д-2. Оп. 76а. Д. 2025. Л. 4 об.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1149. Оп. 1 – 1827 г. Д. 76. Л. 4.
8. ГА РФ. Ф. 102. Д-2. Оп. 76а. Д. 2025. Л. 4 об.
9. Полное собрание законов Российской империи. Издание второе (ПСЗ – II). СПб., 1832. Т. 9. № 6875.
10. РГИА. Ф. 383. Оп. 18. Д. 23388. Л. 50.
11. ПСЗ – II. Т. 22. № 21701.
12. РГИА. Ф. 383. Оп. 18. Д. 23388. Л. 4 об.
13. РГИА. Ф. 383. Оп. 18. Д. 23388. Л. 4 об.
14. ПСЗ – II. Т. 32. Ч. 1. № 31538.
15. РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 17. Стлб. 534.
16. ПСЗ – II. Т. 33. Ч. 2. № 33702.
17. ПСЗ – II. Т. 33. Ч. 2. № 33702.
18. РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 17. Стлб. 748.
19. РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 17. Стлб. 748 – 749.
20. РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 17. Стлб. 749.
21. РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 274. Л. 2.
22. РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 274. Л. 7.
23. РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 274. Л. 7.
24. РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 274. Л. 7.
25. РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 274. Л. 2.
26. ПСЗ – II. Т. 33. Ч. 2. № 33970.
27. ПСЗ – II. Т. 21. Ч. 1. № 21671. С. 589.
28. ПСЗ – II. Т. 26. Ч. 1. № 25039.
29. Устав о состояниях. Ред. 1857 г. Ст. 597.
30. Устав о состояниях. Ред. 1857 г. Ст. 598.¹
31. ПСЗ – II. Т. 38. Ч. 1. № 39158.
32. ПСЗ – II. Т. 41. Ч. 1. № 43169.

References:

1. Levitats I., 1943. The Jewish Community in Russia, 1772 – 1844. Columbia University Press, pp: 298.
2. Klier J., 2000. The origins of the «jewish question» in Russia, 1772 – 1825. Moscow. Gesharim, pp: 352
3. Kalmina L., Kuras L., 2001. A History of exiles: The Jews of Buryatia: East European Jewish Affairs. Volume 31, Issue 1, pp: 49-60.
4. Shidurov V.N., 2013. Jews, Germans, Poles in Western Siberia in the 19th – 20th century. St. Petersburg, Nevsky Institute of Language and Culture Publ., pp: 260.
5. Norkina E., 2013. The origins of anti-Jewish policy in the Cossack regions of the Russian Empire, late nineteenth and early 20th century. East European Jewish Affairs. 43 (1), pp: 62 – 72.
1. State Archives of the Russian Federation (hereinafter SARF). F. 102. D-2. Op. 76a. D. 2025. L. 4 об.
2. Russian State Historic Archives (hereinafter RSHA). F. 1149. Inv. 1 – 1827 g. F. 76. L. 4.
3. SARF. F. 102. D-2. Inv. 76a. F. 2025. L. 4 об.
4. The complete collection of laws of the Russian Empire. Edition II (PSZ – II). Т. 9. № 6875.
5. RSHA. F. 383. Inv. 18. F. 23388. L. 50.
6. PSZ – II. Т. 22. № 21701.
7. RSHA. F. 383. Inv. 18. F. 23388. L. 4 об.
8. RSHA. F. 383. Inv. 18. F. 23388. L. 4 об.
9. PSZ – II. Т. 32. Ch. 1. № 31538.
10. RSHA. F. 1265. Inv. 13. F. 17. Stlb. 534.
11. PSZ – II. Т. 33. Ch. 2. № 33702.
12. PSZ – II. Т. 33. Ch. 2. № 33702.
13. RSHA. F. 1265. Inv. 13. F. 17. Stlb. 748.
14. RSHA. F. 1265. Inv. 13. F. 17. Stlb. 748.
15. RSHA. F. 1265. Inv. 13. F. 17. Stlb. 749.
16. RSHA. F. 1265. Inv. 7. F. 274. L. 2.
17. RSHA. F. 1265. Inv. 7. F. 274. L. 7.

* Работа выполнена при финансовой поддержке УрФУ в рамках реализации Программы развития УрФУ для победителей конкурса «Молодые ученые УрФУ».

18. RSHA. F. 1265. Inv. 7. F. 274. L. 7.
19. RSHA. F. 1265. Inv. 7. F. 274. L. 7.
20. RSHA. F. 1265. Inv. 7. F. 274. L. 2.
21. PSZ – II. T. 33. Ch. 2. № 33970.
22. PSZ – II. T. 21. Ch. 1. № 21671. S. 589.
23. PSZ – II. T. 26. Ch. 1. № 25039.
24. Ustav o sostojanijah. Red. 1857 g. St. 597.
25. Ustav o sostojanijah. Red. 1857 g. St. 598.
26. PSZ – II. T. 38. Ch. 1. № 39158.
27. PSZ – II. T. 41. Ch. 1. № 43169.

УДК 94

Евреи и их место в социальной структуре сибирского общества в XIX в.

Владимир Николаевич Шайдуров

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», Российская Федерация
Кандидат наук, доцент

Аннотация. В первой четверти XIX в. в Сибири в результате административной ссылки и самостоятельного переселения сформировались отдельные еврейские сообщества. До 1824 г. их существование находилось в общероссийском правовом поле. Но с декабря 1824 г. было положено начало «запретительному» законодательству о сибирских евреях. В период правления Николая I эта практика была продолжена, для немногочисленных евреев, проживавших в сибирских губерниях, были открыты лишь отдельные сословия. В середине XIX в. был начат процесс эмансипации еврейского населения, который затронул и Сибирь. Буржуазные реформы Александра II способствовали отказу от политики сегрегации и сближению в правовом отношении различных групп населения. На основании законодательных и делопроизводственных документов нами будет проанализирована эволюция гражданско-правового статуса еврейского населения вне черты оседлости (на примере Западной Сибири).

Ключевые слова: евреи Сибири; Второй Сибирский комитет; Н.Н. Муравьев-Амурский; сословия; ссыльнопоселенцы; государственные крестьяне; мещане; купцы; почетные граждане; казаки.